

АНДРЕЙ ЧЕСНОКОВ

О людях, ветрах и плотах в океане

ИСТОРИЯ ПУТЕШЕСТВИЯ ОТ
ЮЖНОЙ АМЕРИКИ ДО ОСТРОВА
ПАСХИ И ОБРАТНО

Андрей Чесноков

**О людях, ветрах и плотах в
океане. История путешествия
от Южной Америки до
острова Пасхи и обратно**

«Издательские решения»

Чесноков А.

О людях, ветрах и плотах в океане. История путешествия от Южной Америки до острова Пасхи и обратно / А. Чесноков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-857529-7

Рассказ участника уникальной экспедиции в Тихом океане. Два деревянных парусных плота, интернациональная команда, четыре месяца пути и 4500 морских миль. Суровые испытания, загадочный остров Пасхи и ревущие сороковые широты, грозные шторма и невыносимые штили, бескрайний океан и его удивительные обитатели, отчаяние и надежда. История о людях, ставших настоящей командой в этом необыкновенном путешествии.

ISBN 978-5-44-857529-7

© Чесноков А.
© Издательские решения

Содержание

Немного предыстории	8
ГЛАВА I	8
ГЛАВА II	13
ГЛАВА III	15
ГЛАВА IV	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

О людях, ветрах и плотах в океане История путешествия от Южной Америки до острова Пасхи и обратно

Андрей Чесноков

Фотограф Håkon Wium Lie

Фотограф Erlend Koppergård

Фотограф Torgeir Higræff

Фотограф Андрей Чесноков

© Андрей Чесноков, 2019

© Håkon Wium Lie, фотографии, 2019

© Erlend Koppergård, фотографии, 2019

© Torgeir Higræff, фотографии, 2019

© Андрей Чесноков, фотографии, 2019

ISBN 978-5-4485-7529-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Посвящаю моей команде,
моему брату и моим родителям.

Привалившись к пустой столешнице, я молча, в который раз, наблюдаю, как солнце медленно ползёт к горизонту. Через час или полтора оно упадёт за океан. Если на своём пути оно

не встретит полоску облаков, завтра погода не изменится. Но оно встретит. Уже много раз бывало так, что облаков не было, но когда солнце опускалось на два пальца над горизонтом, они просто появлялись ниоткуда, перечёркивая яркий диск тонкой тёмной полосой. Не то, чтобы это грозило нам чем-то серьёзным. За десять недель мы привыкли уже, кажется, ко всему, и перестали удивляться причудам погоды. А вот и знакомая полоска. И откуда они только берутся? Минуту назад горизонт был чист. И, тем не менее, вот они. Значит, завтра сменится ветер, и снова нужно будет менять галс. Хорошо бы только ветер не зашёл с востока, иначе нам придётся опять спускать парус, выбрасывать плавучий якорь и дрейфовать. По идее, так быть не должно. Шторм с восточным ветром был десятого, потом несколько дней затишья, сегодня дует с северо-запада, значит, ещё два-три дня можно рассчитывать на западный и юго-западный ветер. Потом опять придёт южный, а за ним – восточный. Очень тихо. Из хижины не слышно разговоров, на палубе нет никого кроме меня. Слышно только скрип брёвен и тихий плеск волн, да ещё иногда рифы шуришат по парусу. Невдалеке от плота над волнами пролетел альбатрос. Тридцать четвёртый? Тридцать седьмой? Я сбился. Спрошу Джимми, он считает их более внимательно. Облетев плот, альбатрос зашёл на второй круг. Этот небольшой. Размах крыльев, навскидку, метра два. Таких мы уже видели, можно не фотографировать. Узкие, с коричневым оттенком крылья почти не шевелятся, ловя ветер над океаном. Птица бесшумно скользит над самыми макушками волн, едва не цепляя их, поднимается вверх, закладывает вираж, проносится с другой стороны плота и опять пролетает перед глазами. Раз за разом, вновь и вновь. Как и ветер, по кругу меняющий направление. Такой желанный западный, и такой вероломный восточный. Сколько это продолжается? Вернее, нет. Как давно я здесь? Скоро будет пять месяцев с того дня, как я покинул дом. Вроде бы, не такой большой срок, но кажется, будто прошли годы. Мир вокруг сократился до крошечного плота в океане. Где-то рядом есть ещё один. А вокруг – только горизонт. Когда я вспоминаю подготовку плавания, возникает странное чувство, будто это было не совсем со мной. Будто ко мне как-то случайно попали воспоминания другого человека. Что тогда можно сказать, заглянув дальше? На другую сторону земного шара и на полгода назад?

Немного предыстории

ГЛАВА I

С чего же всё начиналось – немного о Кон-Тики и Кон-Тики2 – месяц до путешествия

21 сентября 2015 года.

Половина десятого вечера. Я сижу в своём туристическом клубе «Зюйд-Вест», где лет пятнадцать назад началось моё увлечение путешествиями. Напротив меня сидит бессменный руководитель клуба Владимир Музалёв, которого все выпускники клуба, с самого детства звали просто Босс. Находиться дома невыносимо: я просто не находил себе места и не мог отвлечься от тревожащих меня мыслей. Решается моё участие в экспедиции. Как-либо повлиять на процесс я не могу, остаётся ждать, а это тяжелее всего. Чтобы хоть чем-то себя занять, я решил пройтись. Несколько часов я просто мерил шагами парк, ежеминутно поглядывая на телефон, пока сам не понимая как, не пришёл сюда. Босс занят составлением продуктовой раскладки на предстоящий осенний выезд, а я, чтобы занять руки и голову, пишу роящиеся в голове мысли на обратной стороне одного из его черновиков. Десять. Звонка от капитана всё ещё нет. Пора возвращаться домой, но мне не хочется. Я хочу дожидаться звонка именно здесь. Я очень надеюсь, что он всё-таки будет. Чувство описать трудно. Казавшаяся неосуществимой мечта в этот момент так близко! Дразнит, будоражит, как будто играет, изводя неопределённостью. Чёрт возьми! Как же тяжело писать! Кривые буквы пляшут, как будто по руке пропускают электрический ток. И такое состояние у меня со вчерашнего вечера.

Тогда, вернувшись с дачи, я, по обыкновению, открыл почту. Нокдаун. Раз... два... три... Мне написал Михаил Зайцев – сотрудник Opera Software – компании, являющейся одним из спонсоров экспедиции. В письме говорилось, что моя работа, которую я отправил на конкурс, прошла предварительный отбор, и теперь меня ждёт следующий этап – разговор с капитаном по скайпу. Разговор назначен на утро 21го. Вот тут-то и началось. Готовясь к беседе, я сочинял речь, гадал, о чём меня может спросить капитан, обдумывал и формулировал ответы на вопросы, которые сам себе задавал, словом – изводил себя переживаниями в лучших традициях. К назначенному сроку я подравнял бороду, причёсался и вообще всячески приготовился к тому, чтобы произвести наилучшее впечатление. Наконец, пришло время звонка. Только вот незадача: скайп лежит по всему миру. Да почему сегодня-то?! Паника. Написал письмо Михаилу. Вскоре, мне в ответ пришло письмо со ссылкой на другой сервис, где мы можем связаться. Глубокий вдох, выдох. Прохожу по ссылке. Экран загорается, и на нём появляется лицо моего собеседника. Собеседник находится в машине, я слышу звук проезжающих мимо автомобилей. Я вижу гладковыбритое, улыбчивое и дружелюбное лицо. Я и не рассчитывал, что смогу зайти так далеко. Ну, поехали. Надо поздороваться.

Ступор. Мгновенно высохший язык прилипает к нёбу, а губы немеют, как при визите к стоматологу. Кое-как я выдавливаю из себя слова, которые складываются во фразу: «Good afternoon, Mr. Higrapp.»

– Hello, Andrew! I'm not Mr. Higrapp. My name is Hakon Wium Lie. I'm CTO of Opera Software and CTO of the expedition. Torgeir will join us later.¹

¹ «Добрый день, мистер Хиграфф» – Привет, Андрей! Я не мистер Хиграфф. Меня зовут Хокон Виум Ли. Я Технический директор компании Опера и технический директор экспедиции. Торгейр присоединится к нам позже. (Англ.)

Стоит ли говорить, каким дураком я себя чувствовал. Я не один раз просматривал фотографии всех участников на сайте, и вот, в самый ответственный момент, перепутал. Образцовый ляп.

Дальше я всё же пришёл в себя и, как мне показалось, реабилитировался в глазах Хокона. Мы недолго и довольно расслаблено (слово «расслаблено» абсолютно неприменимо к моему состоянию на тот момент) поговорили, в основном о моём резюме, которое я отправлял ранее. Хокон спросил о моих увлечениях. В числе прочего, я упомянул о том, что немного играю на банджо.

– Банджо? Звучит отлично! Тебе нужно будет взять его с собой на плот. А ещё ты должен будешь научить меня русскому языку и кириллице.

Оптимистично, но радоваться пока рано. Сначала я должен получить главный ответ от Торгейра. Торгейр так и не смог к нам присоединиться, но Хокон сказал, что в этом нет необходимости, и он свяжется со мной вечером. Мы попрощались, экран погас, а я остался в комнате один, раздумывать о том, как я справился.

Одиннадцать. Никаких вестей. В Норвегии сейчас около девяти вечера. Думаю, сегодня звонка уже не будет. Пора идти домой.

22 сентября 2015 года.

Проснулся в 5 утра. Спать больше не могу. Проверил почту. Пусто. Время до полудня описывать бессмысленно. Можно ограничиться лишь вопросом «Что могло пойти не так?» со всеми вытекающими последствиями.

Наконец раздался звонок.

– Привет, Андрей. Это Торгейр. Хокон передал мне ваш разговор. Когда ты можешь быть в Перу?

Ступор.

– Привет, Торгейр... А когда мне нужно быть в Перу?

– В середине октября. Наверное, тебе лучше лететь вместе с Борисом Романовым. Поговори с ним. До встречи. Поздравляю, ты идёшь с нами.

Вот здесь и начинается моя история.

По сути, история началась немного раньше: в мае, почти полгода назад, когда я только узнал об экспедиции. В объявлении, на которое случайно наткнулся и переслал мне мой друг Николай, говорилось, что норвежец Торгейр Хиграфф организует экспедицию Кон-Tiki 2, в которую требуется участник из России. Участник должен освещать события экспедиции для русской аудитории. Судя по описанию, которое я нашёл на сайте, недостатка в событиях не будет. Ещё бы! Ведь запланированный маршрут пролегал через Тихий океан, а транспортным средством должны были стать два бальсовых плота. За последние полвека были организованы экспедиции на полюса, в дикие джунгли, пустыни, пещеры, на непокорённые вершины и даже в космос, но подобных экспедиций после знаменитого Кон-Тики, Ра и Тигрису Тура Хейердала, я припомнить не мог. Поначалу из простого любопытства, а далее с нарастающим интересом, я изучил требования к кандидату. Возраст 25—35 лет, уверенное знание английского языка, туристический опыт и чувство юмора. Ни про один из пунктов я не мог сказать «Вот этого у меня точно нет», хотя сомнений не вызывал, пожалуй, только возраст. Мне было двадцать шесть. По этому критерию я проходил «чисто». Мой английский был неплох, но назвать его уверенным, я, всё-таки не осмеливался, хотя и до экспедиции оставалось ещё достаточно времени, чтобы его подтянуть. В «Зюйд-Весте» я приобрёл привычку во всех путешествиях вести дневник. Свои записи я не старался публиковать, потому что писал только для себя и друзей. О качестве записей я мог сказать только то, что людям, которые были со мной в этих путешествиях, они нравились. Туристический опыт вызывал меньше опа-

сений. В походы я ходил с самого детства. Сначала с родителями, потом с «Зюйд-Вестом», с Московским клубом велотуристов, а потом и самостоятельно, со своими друзьями. Были и походы на байдарках, и длительные автономки на велосипедах, и пешки и горные походы разных категорий сложности. По этому пункту всё вроде получалось неплохо. Потом я прочитал заслуги остальных участников и немного пригорюнился. Русский врач Борис Романов длительное время работал на Чукотке и участвовал в лыжном марафоне в Гренландии. Второй врач Сергей Гольцов уже имел опыт в роли экспедиционного врача в Папуа Новой Гвинее и Африке. Кари Дал работала офицером поисково-спасательного судна, а Лив Арнесен знаменита тем, что совершила одиночную экспедицию к Южному полюсу. Даже самые сложные мои маршруты не могли встать в один ряд с такими путешествиями. Однако, я ничем особо не рисковал. В худшем случае, мне бы просто отказали, и жизнь пошла бы своим чередом.

Итак, я довольно долго собирался с мыслями, но всё-таки составил резюме, перевёл его на английский язык и отправил на почту, указанную в контактах. Скажу прямо: оценив свои возможности, я довольно ясно осознал, что шанс оказаться на одном из плотов у меня невелик. Некоторое время спустя мне ответил сам лидер экспедиции. Он сказал, что заинтересовался, и задал некоторые уточняющие вопросы. Затем он сообщил мне, что выбор участника будет проводиться журналом «Вокруг света», и что я должен участвовать в конкурсе, который будет проходить в августе.

Что можно сказать об этом периоде. Это была некоторая пора перемен в моей жизни. Работа в офисе меня не устраивала, сам я был одинок, а моей душе хотелось чего-то большого и нового. За редким исключением, каждый следующий день мало отличался от предыдущего. Вместо этого меня всё больше поглощала рутина, и крепло ощущение того, что я занимался совсем не своим делом. Настало время, что называется, уйти «во все тяжкие». С момента разговора с Торгейром я успел сменить работу в офисе на промышленный альпинизм, объехать на велосипеде озеро Иссык-Куль, и сходить в горы на настоящее восхождение. Это была Белуха, прекрасная вершина Сибири. С неё я вернулся как раз к моменту, когда до конца конкурса оставалось три дня. Взяв отрывок дневника с восхождения, я немного отредактировал его, и отправил на конкурс. Сам же, в это время, я занялся изучением информационных источников.

Что я знал об экспедиции Кон-Тики Тура Хейердала? Из детства остались воспоминания о книге «Путешествие на Кон-Тики». В ней говорилось, что Тур Хейердал и ещё пятеро отчаянных искателей приключений построили реплику бальсового плота инков и отправились на ней через океан. Их маршрут пролегал от Южной Америки к островам Полинезии, а поставленная цель – доказать возможность контакта двух цивилизаций до прихода европейцев. Полинезия... Другой конец Света! Пальмы, аттолы, лагуны... Но, я отвлекся. Изначально в успех экспедиции никто, кроме самих участников, не верил. Хейердалу и его команде пророчили смерть среди штормов и голодных акул. Звучит логично, ведь Тихий океан, насколько я знаю, назвали Тихим по ошибке, а бальсовый плот, скреплённый плетёными верёвками, не производит впечатления надёжного судна. Однако, Хейердал, несмотря на шквал критики, был уверен в своей идее. В пути он планировал использовать устойчивые ветра и попутное экваториальное течение. В итоге, удача была на стороне путешественников, и им удалось осуществить свой смелый замысел. Хотя они и потерпели крушение при подходе к суше, все шестеро, живые и невредимые, через сто один день достигли островов Полинезии, тем самым доказав теорию Тура Хейердала и совершив настоящую революцию в антропологии. Но, раз это уже было доказано в 1947 году, зачем устраивать повторную экспедицию?

Новая экспедиция не планировала повторение маршрута первопроходца. Торгейр Хиграфф решил пойти дальше и доказать, что контакт этих двух цивилизаций не был односторонним. Существует теория о том, что инки под руководством вождя по имени Тупак Юпанки, а возможно и он сам лично, побывали на острове Пасхи и вернулись на континент. Также,

во время раскопок на территории Чили, были обнаружены кости полинезийской домашней птицы и скота, которые никак не могли попасть туда самостоятельно. Кроме того, есть теории о том, что полинезийцы достигали берегов Южной Америки на больших океанских каноэ. То есть существовала возможность проделать этот путь с запада на восток. Казалось бы, что в этом сложного? Раз Тур Хейердал перешёл океан в одну сторону, что мешает вернуться тем же путём? Вот тут-то и обнаруживается загвоздка. Так же, как экваториальное течение и попутный ветер, помогали Туру Хейердалу достичь Полинезии, они будут мешать на пути к Южной Америке. Нужен другой маршрут, и он есть. Он проходит южнее, через область Тихого океана с говорящим названием «Ревущие сороковые». Именно в этой области ветер почти постоянно дует с запада, что должно позволить провести плот к континенту. Попытку пройти этим путём из Полинезии предпринял Эрик Бишоп в 1958 году. К сожалению, его планам было не суждено осуществиться. Бишоп и его команда после пяти месяцев дрейфа оставили попытки продвигаться на восток, и были эвакуированы. Насколько я знаю, Эрику Бишопу удалось достичь тридцать седьмого градуса южной широты, но этого было недостаточно, чтобы поймать стабильный попутный ветер с запада. Так что, в некотором смысле, у участников Кон-Тики 2 был шанс стать первопроходцами. Именно этот факт особенно волновал меня до самого начала путешествия. Условно, путешествие делилось на два этапа: «разминка», если можно так сказать, до острова Пасхи, и главная часть – обратно. На острове была задумана плановая частичная смена команд. Мне особенно хотелось принять участие в обратном пути, но решиться это должно было лишь на месте.

Но вернёмся к целям путешествия. Перед экспедицией стояла непростая задача «попасть» в остров Пасхи с расстояния более чем в 4000 километров. Положившись только на удачу, достичь этого невозможно, так что пришлось задуматься об управлении. Конструкция плотов инков предусматривала использование гуар² – специальных выдвижных швертов, которые, будучи установленными в определённом порядке, позволяли держать достаточно точный курс. Тур Хейердал в своём путешествии практически не использовал гуары, и больше полагался на рулевое весло. Но у него и не было цели прийти к какому-либо определённому острову. Течение и восточный ветер пронесли Кон-Тики намного севернее острова Пасхи, и плот завершил свой легендарный маршрут на архипелаге Туамоту. В планах экспедиции Кон-Тики 2 был именно остров Пасхи. Это означало, что в отличие от экспедиции Хейердала, плоты должны были пересечь течение Гумбольдта, и двинуться к острову напрямую, полагаясь лишь на ветер и умелое управление. Насколько эффективно управление плота гуарами, тоже предстояло выяснить.

Здесь хотелось бы уделить особое внимание троим участникам предстоящего плавания. В 2006 году Торгейром Хиграффом уже была организована ещё одна экспедиция на бальсовом плоту. Она получила название Тангароа. Из будущей команды Кон-Тики 2, в ней, помимо самого Торгейра, участвовали Роберто Сала и Ойвин Лаутен. Остальными участниками были: внук Тура Хейердала Олав Хейердал, Бьярне Креквик и Андрес Берг. Через пятьдесят девять лет после Кон-Тики, из того же порта и в тот же день, вышел плот Тангароа. Также как и Кон-Тики, плот успешно дошёл до Полинезии, но затратил на это на тридцать дней меньше, и выигрывая в скорости, главным образом, был обусловлен использованием гуар. А значит, новая экспедиция была в надёжных руках. Кому, как не этим людям, под силу пройти более сложный обратный путь?

Экспедицию Кон-Тики 2 не могли обойти вниманием и представители различных сфер науки. Как и путешествие Хейердала, эта экспедиция являлась отличной базой для различных наблюдений. В число команды были включены научные сотрудники, в задачи которых входил

² Гуары – доски из прочного дерева, выдвигающиеся из днища плота на необходимую длину. Используются для управления плотом. Роль гуары можно в некоторой степени сопоставить с ролью дополнительного выдвижного кила.

сбор океанологических данных, а также данных о климате и загрязнении мирового океана. Словом, запланировано было немало, а путешествие обещало быть поистине уникальным.

И вот, я тоже получил положительный ответ от Торгейра. Сразу и с головой я окунулся в подготовку к экспедиции. До путешествия оставалось меньше месяца, а мне предстояло разобраться с просто немыслимым количеством дел. Договоры и документы, электронные переписки, покупка недостающих вещей, медицинское освидетельствование, английский и опять договоры. Всё завертелось как в карусели, в преддверии грядущего путешествия. Каждый день этой круговерти приближал меня к «событию жизни».

Но были и неприятности. За две недели до моего вылета в Перу произошло событие, которое поставило под удар моё участие. Я сильно повредил ногу. В Москве тогда неожиданно выпал первый снег, и, не справившись с управлением на мокром асфальте, я упал с велосипеда. И, ведь нашёл куда упасть, – на ржавый металлический уголок, торчавший из земли. Рана была глубокой, длинной и инфицированной, так что зашивать её было нельзя. Оставшиеся дни до вылета я ходил к хирургу как на работу. Кроме того, мне нужно было предупредить о своей травме экспедиционного врача, Бориса Романова. Когда я связывался с ним по скайпу, я чувствовал себя ужасно. Можно представить, какое мнение у него должно было сложиться обо мне ещё до начала экспедиции. Каково же было моё удивление, когда Борис спокойно выслушал меня, вздохнул и сказал: «Максимализм и возраст, Андрей. Ничего. Вылечим. Собирай вещи».

Месяц пролетел как неделя, и вот, я был готов отправиться в путь.

ГЛАВА II

От винта – о Борисе – впервые за экватором

19 октября 2015 года.

Ну, от винта! Мы с Борисом успешно вылетели в Лиму через Мадрид. Теперь я вернусь домой самое раннее к Новому году.

Проснулся рано, выспался плохо. Не даёт покоя сложенный рюкзак, нетерпеливо стоящий у стены. Дорога в тысячу ли начинается с первого шага, и этот шаг будет сделан сегодня. Мы с родителями попили чаю и присели перед моей дальней дорогой. Они хотели проводить меня до самолёта, но я настоял, что поеду один. Звучит, как прихоть, но я хотел проникнуться моментом. Вместе добрались до метро. Родителям было очень тяжело меня отпускать, но они держались очень хорошо. Насколько я им по-настоящему благодарен, я пойму позже, а пока, мы крепко обнялись и попрощались.

– Счастливо оставаться. Скоро вернусь. Всё будет хорошо.

– Попутного ветра, сын.

– Семь футов под килем, Андрей.

Правда, футов будет не семь, а пятнадцать тысяч, да и киля у плота нет, но это детали.

Наконец, я забрасываю рюкзак за спину, на плечо – банджо, вскидываю руку, разворачиваюсь, и начинаю идти к входу в метро. Пройдя несколько шагов, я понимаю, что с меня падают штаны. Ремень был слишком широким для хлястиков, и я подумал, что обойдусь без него. Поначалу всё было терпимо, но отрицать очевидное было глупо: не обойдусь. Я остановился, скинул поклажу, достал из рюкзака альпинистскую самостраховку и начал перепоясываться. Ужасно нелепая ситуация. Церемония прощания затягивается, мама с папой смотрят на сына, на несколько месяцев уходящего в океан, а сын возится с падающими джинсами. Путь в тысячу ли дал сбой на десятом шаге. Что ж, буду надеяться, это будет последним и самым большим недоразумением на этом пути. Штаны на месте, очередной взмах рукой, не оглядываясь – вперёд. Борис едет со своим сыном и должен будет ждать меня в аэропорту.

Наконец мы встретились и впервые пожали друг другу руки. Дальше всё происходило несколько сумбурно: пара фотографий для репортёров, вспышки камер, короткое интервью. Признаться, я был не готов. Я совсем не думал, что нас будет провожать кто-то ещё, кроме наших близких. Пришло время прощаться. Борис обнял своего сына Петра, и мы двинулись через наводнённый людьми зал аэропорта.

Времени у нас оставалось достаточно, и мы, не спеша, отправились на регистрацию. Никаких проблем с перевесом и двумя медицинскими кейсами не возникло, и с паспортным контролем всё тоже прошло гладко. У нас образовалось немного свободного времени и мы, облегчённо вздохнув, сели в кафе. Наконец появилась возможность поговорить. Как-никак, нам многое предстояло пройти вместе, так что было справедливое желание заранее узнать друг друга получше. Если у меня и были какие-то опасения на счёт общего языка, то они развеялись почти сразу. Общаться с Борисом было легко. Он очень открытый, искренний и приятный человек. Мы поговорили о команде, об увлечениях и музыке. Оказалось, что Борис играет на саксофоне, правда на плот он его с собой не взял, и без него хватило что везти. Я немного расспросил его о встрече команды в Бергене, в которой он вместе с Сергеем Гольцовым участвовал летом. Интересно было послушать его мнение о людях, с которыми нам предстояло идти. Борис рассказал небольшую историю об Ойвине Лаутене. Когда Борис показывал медицинское оборудование, которое они вместе с Сергеем Гольцовым приготовили для

экспедиции, Ойвин попросил у него пинцет, как будто посмотреть. А когда Борис протянул ему инструмент, Ойвин ловко вытащил из руки здоровенную занозу, и вернул пинцет обратно. Дезинфекция раны и инструмента? Да кому она нужна! Судя по всему, Ойвин получил занозу довольно давно, и рану было бы неплохо обработать, но он наотрез отказался от медицинской помощи. В этот момент Борис напрягся и понял, что работы на плоту, похоже, будет достаточно, особенно если пострадавшие будут лечиться самостоятельно. Вот и составляй теперь своё первое впечатление.

Поговорили и о предстоящем испытании. По словам Бориса, это путешествие для него, своего рода, награда за достижения. Что есть это путешествие для меня – на тот момент я определить не мог. В любом случае, это испытание. А если бы я не имел возможности с ним справиться, оно бы мне не выпало. Раз так, – опасаться нечего. За приятной беседой время пролетело быстро, и вот мы взлетаем, а самолёт уносит нас из Домодедово в совершенно незнакомый и удивительный мир. Я – участник экспедиции.

К слову, в самолёте перед нами сидел мужчина и смотрел на ноутбуке «Челюсти», а мы подглядывали с задних кресел. Отличный выбор перед тем, как уйти в океан! До Мадрида, где была пересадка, долетели быстро, а почти все двенадцать часов до Лимы я проспал, отвлекаясь только на то, чтобы перекусить. Образцовый пассажир. Ночью мы пересекли экватор. До этого дня ни я, ни Борис в Южном полушарии не были.

ГЛАВА III

Лима – о команде и волонтерах – начало строительства – Кальяо и Ла-Пунта

Вот за окном встаёт солнце и освещает снежные вершины Анд. Снижаемся. В разрывах облаков видно океан, но облачность высокая, поэтому оценить его отличия от моря не удаётся. Уверен, находясь непосредственно на открытой воде, я смогу ощутить их в полной мере.

Перед вылетом я отправлял Торгейру данные о наших рейсах, и, честно говоря, думал, что нас кто-нибудь встретит, но в аэропорту нас никто не ждал. Борис на этот счёт имел противоположное мнение: «Сейчас в самом разгаре строительство плотов. Зачем понапрасну отвлекать людей? Мы сами к ним доберёмся».

Но наши похождения в Лиме начались не с этого. Сначала нам предстояло найти медицинские кейсы. Задачу осложняло то, что из всех служащих аэропорта по-английски разговаривал только уборщик. Это было довольно странно, учитывая, что и в порту, где мы потом работали и в баре, где мы время от времени пили по вечерам пиво, проблем с английским не возникало. Видимо, в аэропорту нам просто не повезло. В итоге мы нашли наши кейсы, собрали воедино все вещи, погрузили их на тележку и отправились к такси.

Такси до Callao naval base³, которое мы заказали со стойки в аэропорту, обошлось нам в 40 долларов. Как оказалось позже, настоящая цена – 20 солов, что равно примерно семи баксам. Нам ещё предстояло привыкнуть к некоторым особенностям, но, даже несмотря на такую математику, пока всё шло неплохо. Мы погрузили багаж и сели в подъехавшую машину. Борис довольно бойко по-английски объяснил водителю, что мы участники экспедиции Кон-Тики 2, и нам нужно попасть в Кальяо, туда, где сейчас строятся плоты. Мой английский пока работал неважно, поэтому я решил помалкивать. Кстати, разговориться поначалу было довольно тяжело, и это сослужило мне плохую службу. Но и об этом мне только предстояло узнать, а пока таксист кивнул и повёз нас по улицам Лимы. За окном всё непривычно: все вывески на испанском, на улицах растут здоровенные кактусы, и светит яркое солнце. Это в противоположность первому снегу, выпавшему на днях в Москве. Мы проезжали мимо невзрачного вида районов с обшарпанными домами и свалками. Потеряться в одном из таких мне бы совсем не хотелось, но странно: отталкивающего впечатления нет. Я никогда не бывал в Перу, поэтому на всё смотрел «свежими» глазами, без капли предвзятости. Насколько я знаю, к примеру в Индии, или в некоторых странах Африки, ситуация с чистотой ещё хуже, но это совсем не значит, что там плохо. Пожалуй, просто непривычно, так же как жителям Лимы вряд ли показался бы привычным снег. Так я и сидел, прилипнув к окну, пока Борис разговаривал с таксистом. Таксист, кстати, по-английски разговаривал очень уверенно, мешал только непривычный акцент.

Наконец машина остановилась.

– Кон-Тики. – Объявил таксист.

Мы посмотрели на место, куда он нас привёз. Над входом в здание, рядом с которым припарковался автомобиль, красовалась вывеска: Ночной клуб «Кон-Тики».

Довольно живо представилась картина, как мы с Борисом в мерцающем свете дискотечных огней топчемся на танцполе в гидрокостюме, с банджо и двумя огромными кейсами медикаментов вдобавок. Мы начали объяснять водителю, что это место не совсем то, куда мы собирались, и вообще-то нам нужен порт, морская база, где строят плоты. Такому повороту событий водитель не обрадовался, но и расстроился несильно. Видимо, заложенный крюк несильно выбивался за 40 баксов. Покружив ещё немного по городу, и проехав по совсем уж

³ Морская база Кальяо (Англ., Исп.)

неприветливого вида районам, он остановился около больших ворот. Режимный объект, просто так внутрь не попасть. Вокруг ходят люди в форме с автоматами. Зато видны большие портовые краны. Добрый знак. Пока мы не были уверены в том, что это нужно нам место, таксиста отпускать не стали. Мы подошли к одному из офицеров и повторили нашу легенду: Мы участники экспедиции Кон-Тики 2. Это Callao naval base? Здесь строят плоты?

Офицер попросил подождать и довольно долго звонил по телефону. Наконец он вернулся и указал нам на ещё одни ворота через дорогу. В третий раз повторив легенду мужчине в бюро пропусков, мы наконец-то услышали заветное: «Вы пришли по адресу, подождите, сейчас вас встретят».

Таксист уехал, и через некоторое время нас действительно впустили внутрь. Встретил нас сам Торгейр, высокий и широкоплечий, с несколько суровым лицом и крепким рукопожатием. Так я лично познакомился с руководителем экспедиции. Мы поприветствовали друг друга, Торгейр осведомился, как мы долетели, показал, где можно сложить наш багаж, и повёл нас на стройку. Пока мы шли по территории Симы (так называлось предприятие), я с открытым ртом озирался по сторонам. До этого мне довелось побывать в Севастополе, и городской порт ещё тогда произвёл на меня впечатление. Так вот. Это тебе не Севастополь. Это гигантский океанский порт: гигантские корабли, гигантские погрузочные краны, и гигантское скопление рабочих, спешащих по территории по разным делам. Все рабочие в почти одинаковой рабочей одежде, касках и наушниках. То тут, то там мерцают вспышки сварки, воздух рвёт звук работающих моторов, лебёдок и разных инструментов. На суше можно видеть ремонтируемые каркасы и остовы кораблей, похожие скорее на огромные ржавые сараи. Но пройдёт совсем немного времени, и эти самые сараи вновь выйдут в океан уже как новые корабли с открыток. Среди прочего, очень впечатлил плакат с количеством дней без происшествий. Посреди всего этого гремящего муравейника на небольшой площадке стояли наши плоты. Как только мы подошли, нас сразу окружили люди. Очень много, и, что странно, я не видел ни одного знакомого лица с сайта экспедиции. Все представлялись, пожимали нам руки и приветствовали. Оказалось, что эти молодые люди и девушки были волонтерами, которые приехали в Перу строить плоты. Позже я узнал, что большинство из них были из норвежской мореходной школы Фосен. По правде сказать, называть эту школу только мореходной неправильно. Там есть множество дисциплин для изучения по выбору, среди которых есть мореходство, судостроительство, традиционные ремёсла и ещё очень много всего интересного.

Там же, на стройке, я впервые увидел некоторых участников нашей будущей команды. Как оказалось, приехали пока не все, но остальные должны были прибыть совсем скоро. Первым из команды, с кем я познакомился, оказался Йостейн – самый молодой участник экспедиции. Ему девятнадцать, но из-за пышной тёмной бороды и внушительных размеров он выглядит старше. Общительный, весёлый и работающий парень. Тогда же я встретил Улу, тоже молодого парня, который будет капитаном одного из плотов в путешествии от острова Пасхи до Южной Америки. Он же с самого начала проектировал плоты и, фактически, занимал одну из главнейших должностей на строительстве. Он показался мне молчаливым, и, пожалуй, самым подходящим словом будет «рукастым». С ним мы успели перекинуться лишь парой слов, а потом он подхватил бензопилу, сказал, что на сегодня у него ещё много дел, и поспешил к плотам. Затем Торгейр познакомил нас с Ойвином. Он будет капитаном одного плота в путешествии до острова. Этакий первоклассный Salty dog⁴: тёмная, загоревшая под жарким перуанским солнцем кожа, татуировка якоря на предплечье, и немного скрипящий, как будто каркающий голос. Сразу создавалось впечатление, что он обладает большими знаниями и авторитетом. Времени разглагольствовать у него тоже не было: плоты сами себя не построят. Но это ничего. Впереди у нас ещё будет время пообщаться. Следующим был Хокон. Впечатление,

⁴ Распространённое английское выражение, обозначающее бывалого моряка. Ближайший перевод: Морской волк

которое сложилось у меня о нём во время разговора по скайпу, при личном знакомстве лишь укрепилось. Кажется, что доброжелательная улыбка вообще никогда не сходит с его лица. Он горячее всех поприветствовал нас и поздравил с прибытием. Позже в тот день мы встретили Пола, Эстебана, Сигне, Гунвор и Кари, но о них я расскажу немного позже.

Меня довольно сильно волновали вопросы, буду ли я участвовать в обратном пути от острова Пасхи до Южной Америки, а также на каком плоту я иду. Я думал, что судьба моего участия в обратном плавании зависит от того, как я себя проявлю в первом этапе, но чтобы прояснить этот момент, я решил задать эти вопросы вечером, после строительства. Ответы сами нашли меня раньше. Как раз тогда, когда я разговаривал с Хоконом, подошёл Торгейр и спросил: «Как у тебя со временем? Ты идёшь с нами только в один конец, или готов пойти обратно?»

Поскольку с самого начала меня больше интересовало обратное путешествие, я не задумываясь ответил: «Время неограниченно. Я хотел бы пойти от начала до конца.»

– Чудесно. Ты идёшь со мной и Хоконом на плоту Тупак Юпанки.

Вот так. Всё оказалось проще, чем я думал. Капитаном моего плота будет Ойвин, команда: Торгейр, Хокон, Ула, Йостейн и я. Также вскоре должен приехать седьмой участник из Великобритании. Борис идёт на втором плоту – Раити Танэ. Капитан Раити – Кари, команда: Пол, Сигне, Гунвор, Эстебан и Борис. К ним также вскоре должна присоединиться Сесилия – лидер научной части проекта. Немного о названиях плотов: Тупак Юпанки назван в честь вождя империи инков, командовавшим флотилией бальсовых плотов. Раити Танэ – полинезийский бог рассвета.

Ну а пока, вернёмся к строительству. Судя по нынешнему состоянию плотов, работы предстоит очень много. Отплытие назначено на первое ноября, а плоты пока представляют из себя только сложенные в два ряда брёвна, даже не везде связанные верёвками. Значит, впереди нам предстоит построить хижину, поставить мачту, закрепить снасти, сделать палубу и ещё ого-го сколько всего. Не теряя времени, как только мы со всеми перездоровались, мы с Борисом подошли к Торгейру и спросили, чем нам заняться. Торгейр отвёл нас в контейнер, где хранились инструменты и материалы, выдал нам рабочую одежду, каски и задание. Заданием оказалась приборка. Что ж, здесь мы новички, начнём свой путь судостроителей с метлы и тележки, кроме того, это такая же необходимая работа, как и всё остальное. Кто-то должен этим заниматься, сегодня эта роль выпала нам. Получив инвентарь, мы приступили. Вокруг плотов скопились горы щепок, опилок, обрезков и прочего деревянного мусора. Притом, что вокруг полно электроинструментов, а вскоре надо будет варить две железные рамы, чтобы спустить плоты на воду, такое скопление горючего материала опасно. Мы вновь и вновь гоняли тачку от плотов к мусорному контейнеру, избавляясь от опилок. Контейнер заполнялся, а опилок вокруг не убавлялось, вернее, на месте убранных появлялись новые. Работу это нам, конечно, не облегчало, но мы справлялись.

В 12 часов подошло время обеда, и все отправились в столовую. Кормили вкусно и очень сытно. Я удивился сладкому картофельному пюре. Оно готовится из специального вида картофеля, растущего только в Южной Америке, и что уж совсем меня поразило, оно было оранжевого цвета. Ещё был рис и мясо. Больше всего мне запомнился соус. Он стоял в небольшой пиале на столе, и, кстати, тоже был оранжевым. Не почуяв подвоха, я щедро добавил его в рис и перемешал. Когда я попробовал то, что получилось, я подумал, что сторю изнутри. Из того, что было острее этого соуса, я пробовал только перцы халапеньо. Доесть рис получилось только запивая его огромным количеством сока. Больше такой ошибки я не совершал. А вот Борису соус очень понравился, и он ел его чуть ли не как варенье. Вообще, стоит отметить, что я не считаю себя гурманом, и к экзотической пище отношусь настороженно, но первое

знакомство с перуанской кухней прошло на отлично. Борис, кстати, довольно часто заботливо подкидывал мне лакомые кусочки. Сколько я ни отпирался, он наотрез отказывался их забирать, потому что мой организм всё ещё растёт, и энергии на стройке нужно много. Пришлось сдаться. С этого момента и далее, Борис взял надо мной шефство прям как второй папа.

После быстрого обеда мы вернулись к работе. Для нас с Борисом нашлось новое задание. Теперь мы должны были работать с верёвками, которые были нужны для связывания брёвен. Идея заключалась в том, что мы должны были брать кусок толстого каната, расплести его конец и плести из него хитрую ерунду, такую, что при должной сноровке с одной стороны получалась петля. В туристическом клубе я научился вязать множество разных узлов: альпинистских, морских и даже декоративных, но плести огоны⁵ для меня было в новинку. В тот момент мне показалось, что я так не ломал голову с самого диплома. Лучше всех методику объяснял Ойвин: «Это – сюда, это – сюда, а это – вот отсюда – сюда. Готово. Всё, дальше повторяешь. Ничего сложного».

– Ойвин, я хочу научиться. Я не пойму, если не сделаю сам.

– Нет, ты уже много раз сделал, и всё неправильно. Можешь заняться чем-нибудь ещё.

Борис был в таком же положении. Ситуацию спасла Ида, очень славная девушка из волонтеров Фосена, с которой мы потом хорошо подружились. Пожалуй, именно благодаря ей, и мой английский постепенно становился лучше. Ну а пока, после того, как она моими руками сплела штук пять огонов, я, наконец, разобрался в процессе и начал плести их один за другим. Сначала всё шло довольно неплохо, петли получались не такие ровные, как у Иды, но сплетение было правильным. Даже Ойвин одобрил и велел продолжать. А вот потом нормальная верёвка закончилась, а та, что осталась, по жёсткости скорее походила на стальной трос. На верёвку ворчали многие, но новая партия пока не прибыла, так что пришлось обходиться тем, что было. Для облегчения работы меня научили пользоваться специальным инструментом, который называется fid, и, по сути, представляет собой простой деревянный кол, который нужно просовывать между жил верёвки. Только верёвка всё равно была слишком жёсткой, так что к вечеру руки изрядно болели.

После рабочего дня всех нас забрал автобус, на котором мы приехали туда, где должны были жить до отплытия. Этим местом оказалась военно-морская академия Эскуэла-Навал. Как и кадеты академии, мы жили в комнатах на шесть человек. Нас с Борисом подселили к Хэки и Хэйди – семейной паре волонтеров из Финляндии. Позже мы с ними вместе работали над палубой. Мы разобрали наши вещи, поужинали курицей с рисом и приготовились спать. Подъём в академии каждый день ранний: в 5.45 утра. Последним сюрпризом дня был душ. Я нормально отношусь к холодной воде, но душ в Эскуэла-Навал был просто спартански холодным.

21 октября 2015 года.

На второй день нашего пребывания в Перу начались проблемы. Выход в океан мог отложиться из-за таможи. Там отказывались пропускать часть научного оборудования. Проблемы решались через посольство, но решались очень медленно. За почти 70 лет со времён экспедиции Тура Хейердала в укладе жизни в Перу мало что изменилось, и одно из самых популярных слов – маньяна, что означает «завтра». Торгейр, Пол и Хокон ходят раздосадованные и злые, но ускорить процесс не получается. За вечерним пивом в Грин-баре, местечке, в кото-

⁵ **Огон** (нидерл. oogen – глаза) – постоянная петля на кручёной верёвке или тросе, образованная путём переплетения его прядей.

ром время от времени после рабочего дня собирались члены команды и строители, Ойвин охарактеризовал ситуацию как: «We are totally... deceived»⁶.

Но проблемы с таможенной службой не мешали нам заниматься постройкой и дело спорилось. На третий день Борис и я переквалифицировались из петельщиков в кровельщики. Стены хижины на одном из плотов к тому времени уже были готовы, и мы занялись крышей. Хижина представляла из себя каркас из тонких брёвен, основанием вставленных прямо в бальсу. На него будет натянут брезент. Крыша будет сделана из бамбука, поверх которого также будет наброшен брезентовый тент. При строительстве не допускается использование никаких гвоздей, шурупов и прочих современных видов крепежа. Все элементы прочно связываются между собой натуральной тонкой верёвкой. Нашим наставником на тот день стала Кари. Сначала мы установили конёк из толстого бамбукового ствола, а затем занялись стропилами. Кари оказалась отличным учителем. Она детально объяснила и показала нам все аспекты, и работа пошла. В целом, очень похоже на постройку шалаша, как в детстве, только материал и инструменты в разы лучше. Хижина получается просторной, примерно пять на семь метров. Посмотрим, каково будет внутри, когда туда набьётся семь человек. Пока мы занимались крышей, Пол и Ойвин монтировали капитанский столик и полку из широких строганных досок. Работы на строительстве предстояло очень много, а сроки поджимали. Так получилось из-за того, что бальсовые брёвна доставили на неделю позже запланированного срока. Чтобы наверстать отставание, мы решили остаться работать после шести. Ула, Сигне, Гунвор и ещё несколько человек работают так каждый день. Из плюсов – в Симе после работы можно принять горячий душ. Из минусов – окружающий Симу район Кальяо – самый криминальный район в Лиме, поэтому вечером сюда очень сложно вызвать такси. Таксисты боятся быть ограбленными. Думаю, небезосновательно. Даже при дневном свете Кальяо выглядит очень неприглядно: на улицах грязно, а вокруг слоняются сомнительные типы разбойного вида. Каково там становится, когда спускается темнота, я проверять не хотел. Собственно, в 9 вечера, когда мы собирались возвращаться, на улице было уже темно. На наше счастье, нашёлся один отчаянный таксист, который в три ходки отвёз нас в Эскуэла-Навал.

Ла-Пунта, район, в котором мы жили, разительно отличается от Кальяо. Тихий приятный район, чистые улицы, ухоженные дома. Там есть небольшой приятный парк с беседкой и булочная, в которой продаётся вкуснейший, ароматный хлеб. В парке, к слову, была точка wifi с неплохим сигналом, поэтому я частенько приходил туда по вечерам, чтобы написать весточку домой. Как раз в этом парке одним вечером мы встретились с Идой и довольно долго беседовали. Я ей очень благодарен, потому что именно благодаря нашей беседе мне удалось кое-как разговориться. К языку жестов всё равно приходилось прибегать довольно часто, но, по крайней мере, я мог рассказать законченную историю без «зависаний», когда пытаешься раскопать из памяти слово, которое там точно есть, но ты забыл, куда его положил. Говорили о многом, в частности, о музыке. Ей очень понравилось банджо, а она похвасталась инструментом, который купила в Перу. Это что-то вроде лютни о шестнадцати струнах. Называется чаранго. Звучит звонко, очень своеобразно и здорово. А ещё Ида немного рассказала мне о Фосене и о лодке, над которой она трудилась вместе с остальными. Именно тогда я впервые всерьёз заинтересовался этой школой. Кто знает, может когда-нибудь и я стану её учеником.

⁶ Нас крепко... непечатное выражение заменено на «обманули» (Англ.)

ГЛАВА IV

Куско – Мачу Пикчу – Саксайуаман

А пока вернёмся к другим событиям. Помимо строительства плотов, для команды и волонтёров была запланирована поездка в Мачу Пикчу, знаменитый древний город инков. Многие из волонтёров уже побывали там, пришёл и наш черёд. Я думал, что моя поездка отложится до приезда, потому что я должен был вернуться в Перу после путешествия, а на стройке лишних рук не было. Но мне не удалось поменять билеты, которые были забронированы ещё в Москве. Так что получилось, что на три дня из процесса строительства я всё-таки выпал. Нас поехало довольно много. Из команды Раити были Кари, Пол, Эстебан и Борис, от Тупака – мы с Йостейном, а из волонтёров – Кирстина, Мортен и Иоким. Уже на месте к нам присоединились Хокон и его жена Карен.

Наш путь пролегал через город Куско – древнюю столицу империи инков. Атмосфера там совершенно уникальная, в Лиме такого не встретишь. Во-первых, одежда. Местные жители ходят в традиционных перуанских шляпах и пончо ярких, почти кричащих цветов. Пока мы пробирались на микроавтобусе по городу, я не отрываясь глазел на это буйство цвета, и в голове родилось выражение «культ радуги». Женщинам, спешащим по своим делам, приходится брать с собой детей, которые нуждаются в сне, а порой даже не умеют ходить. Перуанки здесь справляются с этой проблемой при помощи яркой цветной перевязи, в которой они и носят своих чад на спине, как рюкзак. Чада, по крайней мере те, которых я видел, от длительного пребывания заплечной кладью нисколько не страдают. За окном микроавтобуса проплыл небольшой рынок. Наскоро сооружённые палатки в силу тесноты стоят почти на проезжей части, а в них торгуют индейкой, кроликами, разнообразными фруктами и овощами. Людей на рынке очень много. Покупатели и продавцы, отчаянно жестикулируя, спорят и торгуются. Вокруг бегают дети, уже выросшие из «рюкзаков», всё нестрит обилием красок, звуков и ароматов. Многие люди выглядят совсем небогатыми, но при этом, я не увидел ни одного лица, на котором отразилось бы хоть какое-то недовольство жизнью. Изюм здесь всё идёт своим чередом, и, даже если для европейца это может показаться, мягко говоря, странным, для местных жителей это вполне обыденно.

Между тем, у некоторых из нас начались проблемы с горной болезнью. Ещё утром мы были на нуле, а тут оказались на трёх с половиной тысячах метров над уровнем моря. Спасибо Белухе, моя акклиматизация к высоте пройти не успела, и я чувствовал себя неплохо, правда немного хотелось спать. Борис раздал нуждающимся листья коки, которые, по идее, должны немного взбодрить организм и помочь с симптомами. Сам он первым принялся их жевать и повеселел. Я тоже съел десяток листочков, но, видимо, для бодрости этого оказалось мало: в дороге меня всё-таки сморил сон.

Из-за сжатых сроков (со строительства нас отпустили всего на три дня) вдоволь погулять по Куско нам не удалось. Нам нужно было поскорее добраться до Мачу Пикчу, чтобы провести больше времени там. Поэтому ближе к вечеру мы перебрались на поезде в городок Агуас Кальянтес, последний туристический центр на пути к Мачу Пикчу. Железная дорога протянулась вдоль бурной порожистой реки, текущей в ущелье, а по сторонам от дороги высятся склоны гор, покрытые густым тропическим лесом. Анды – молодые горы, поэтому склоны очень крутые. Ближе к Мачу Пикчу они вообще больше напоминают карандаши. По пути я обратил внимание на изобилие эвкалипта и кактусов, а из фауны больше всего запомнились ламы, гекконы и колибри.

Агуас Кальянтес выглядит ещё более самобытным, чем Куско. Эстебан рассказал, что в последние несколько лет он претерпел значительные изменения, в связи с наплывом туристов, но мне хватило и того, что я увидел. Железная дорога проходит прямо через центр города и почти не имеет ограждений. Как говорил Эстебан, раньше люди торговали прямо на путях, время от времени переставляя свои лотки, чтобы их не снесло прибывающим поездом. Также прямо через город течёт та самая река, вдоль которой мы ехали. Из достопримечательностей города, которые я успел посмотреть, мне запомнился памятник инкскому вождю. Он выглядел воинственным и суровым, но отнюдь не жестоким или диким. Над его головой расправил крылья огромный кондор, а в ногах устроились пума и змея. Эти животные имели большое значение в вере инков. Считалось, что они символизируют и покровительствуют трём частям мира: кондор – божественной части, пума – миру людей, змея – загробному. Можно провести немало параллелей между политеистическими верованиями разных народов и найти много общего с культурой античной Греции или даже языческой Руси и Скандинавии. Мы устроились в гостинице, поужинали и легли спать, чтобы успеть на ранний автобус, который по крутому серпантину должен был доставить нас наверх, на гору, к самому входу в древний город.

Утром погода совсем не располагала к прогулке. Зарядил серый дождь, но, к счастью, он закончился к тому времени, когда автобус довёз нас до места. О самом Мачу Пикчу можно писать очень много, но моя книга не о нём, так что я расскажу о городе только самые яркие свои впечатления. В двух словах: грандиозно и мистически. Если постараться, и представить себе это место во времена расцвета империи инков, ощущения просто зашкаливают. Настоящий тайный город среди горных вершин. Пожалуй, инки были одной из величайших культур Южной Америки и обладали огромными познаниями в строительстве, времяисчислении, астрономии, земледелии и многих других областях. Огромные камни, из которых сложены стены древних храмов, подогнаны невероятно плотно. Особенно впечатляет то, что на момент возведения Мачу Пикчу инки не знали железа. Каждый из этих многотонных камней люди месяцами пилили и шлифовали при помощи воды, песка и верёвок. При помощи тех же веревок и систем рычагов они водружали их друг на друга. Чтобы не позволить почве ползти под весом конструкций, были сооружены террасы, которые по сей день успешно выполняют свою функцию. Эти же террасы использовались для земледелия. Каждый квадратный метр земли использован настолько рационально, что даже нынешним цивилизациям есть чему поучиться. Мистический город во времена своего расцвета был зимней резиденцией вождя инков, а также важным церемониальным центром. В комплексе расположены несколько удивительных храмов и святилищ, возведённых таким образом, что они же являлись своего рода обсерваториями. Они очень чётко сориентированы по сторонам света и отчасти служили для наблюдения за небесными светилами и связанными с ними изменениями погоды. Наблюдая за звёздами, инки преуспели и в навигации. Они были способны ориентироваться по звёздам на просторах океана, а мореходные свойства их плотов были доказаны ещё Туром Хейердалом. Инки далеко продвинулись на пути наблюдения и познания, и, кто знает, сколько ещё открытий они могли бы совершить. Но судьба распорядилась иначе. В Южную Америку пришли конкистадоры. До самого Мачу Пикчу они не дошли. Город был оставлен, а тайная тропа – разрушена. Но дошли болезни. «Город в облаках» на долгие столетия был забыт и погрузился в сон, а империя инков пала под натиском более развитых в военном деле европейцев. В храмах священнослужители больше не сверлят пытливым взглядом ночное небо, силясь найти разгадки движения звёзд, на террасах не возделывают землю, а алтарные камни не окропляются кровью жертв. Но когда гуляешь по узким улочкам этого забытого города, история оживает.

К вечеру мы вернулись в Куско, откуда на следующий день мы собирались на ещё одну экскурсию в древнюю инкскую крепость Саксайуаман. Пока мы с Йостейном, Кирстиной и Иокимом гуляли по Куско перед ужином, мы наткнулись на что-то вроде ярмарки с разными развлечениями. Одним из них был настольный футбол, и Кирстина предложила мне сыграть

партию. Я несколько раз играл в такой в Москве, и с готовностью принял вызов. Матч вышел недолгим и, поистине, разгромным. Я был растоптан со счётом 5:2, притом, что мои два были скорее случайными. Реванш результатов не дал, снимаю шляпу перед мастером. Договорились о следующей игре в Эскуэла-Навал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.